

л. б. Краси
(Ишкитич)

P 6
15 869

большевики в подполье

библиотека

Б
К
Н
овичка

омсомольца

огиз • молодая гвардия • 1932

Предисловие

Передача опыта старого поколения большевиков новому поколению коммунистов и комсомольцев представляет собой задачу огромного значения. Каждый молодой коммунист, комсомолец-новичок должны учиться истории партии, учиться тому, как росла, крепла и развивалась, борясь с уклонами от ленинизма в непрерывных классовых боях, в условиях жесточайшего царского режима наша ленинская партия. В этом отношении свою роль должны сыграть и воспоминания старых большевиков, которые в яркой и красочной форме освещают отдельные этапы борьбы и строительства нашей партии.

Данная брошюра «Большевики в подполье» покойного Л. Б. Красина составлена из 4 статей, написанных им в разное время и по различным заданиям: «Автобиографические заметки», «Из воспоминаний петербургского технолога», «Дела давно минувших дней» и «Большевистская партийная техника».

Будучи рассчитана на комсомольца-новичка, брошюра Л. Б. Красина подверглась небольшим изменениям в сторону популярности, связности рассказа, составленного из отдельных статей; при этом преследовалась цель по мере возможности сохранить изложение самого автора.

Я родился 15 июля 1870 г. в Кургане — маленьком степном городке западной Сибири, выросшем за последние перед войной десятилетия в крупный центр сибирского маслоделания, торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами.

Детство протекло большей частью в деревне, на берегах Тобола, Ишима, Туры. Этому, а также хорошей семейной обстановке я обязан крепким здоровьем, которое помогало без большого ущерба переносить превратности последующей жизни. Семья была большая. Зарплата отца едва хватало на удовлетворение ее потребностей, но это имело свою хорошую сторону, приучая с детства рассчитывать на свои силы и жить не свыше того, что имеешь.

Покойные родители сумели создать исключительно здоровую и необыкновенную по тем временам обстановку, полную свободы и вместе с тем участливого, заботливого руководства, которым мы, братья и сестра, пользовались в семье, пока не начали становиться на собственные ноги. Большое значение здесь имело то, что значительная часть сибирской интеллигенции, купечества и мещан из поколения в поколение росла под идейным влиянием бесконечной вереницы политических ссыльных, которых царское правительство безжалостно гнало в глухие углы Сибири.

Детство, проведенное среди природы, на берегах могучих сибирских рек, в бесконечных лесах и травянистых степях и лугах Сибири, с ранних лет заложило во мне большое влечение к естественным наукам. Этому сильно помогло то обстоятельство, что реальное училище в Тюмени (средняя школа, которую я и мои братья окончили) было, по существу, небольшим, но прекрасно оборудованным политехникумом. В нем были обширный естественно-исторический музей, физическая и химическая лаборатории, опытные технические заводы — сухой переточки, мыловарения, механическая мастерская. Училище это было создано и велось многие годы выдающимся знатоком Сибири И. Я. Слобцовым, собравшим за свою жизнь богатейшие коллекции, образовавшие при тюменском реальном училище целый музей. Некоторые из учителей покровительствовали основанию кружков самообразования, но, в сущности говоря, все мы из средней школы вышли политически неуклюжими, с устремлениями в сторону химии, технологии и других прикладных наук. Желанной мечтой многих из нас было попасть в Петербургский практический технологический институт. Оканчивая учение в реальном училище, я не составлял исключения из этого правила, и сделаться студентом-технологом мне представлялось едва ли не идеалом человеческого счастья и благополучия. Проезжавшие через Тюмень весной и осенью студенты-технологи казались мне какими-то сверхестественными существами, перед которыми открыта любая дорога. Петербургский технологический институт имел уже тогда репутацию высшего учебного заведения, высоко державшего знамя революционного студенчества. Не было ни одной крупной студенческой «истории», или, как их тогда называли, «беспорядков», в которых Петербургский технологический институт не принимал бы более или менее активного участия.

С большим душевным трепетом вступил я впервые в конце августа 1887 года в стены института, чтобы справиться в канцелярии, в порядке ли мои бумаги и буду ли я допущен к конкурсному экзамену. Было от него трепетать безумному сибирскому провинциалу: ведь при 116 вакансиях в конкурсе участвовало свыше 600 человек, и провал был более чем вероятен!

Действительно, экзамены по математике и физике не могли быть названы легкими, и оставшиеся до экзамена 2-3 недели я с моими товарищами-сверстниками посвятил самой упорной зубрежке. При этом, кроме обычных учебников, пожалуй еще более важным являлось ознакомление с различными специальными приемами отдельных экзаминаторов самодуrow, которые проваливали молодежь сотнями.

Но вот экзаменационная страда прошла, и, не веря своим глазам, мы нашли свои имена в списках 116—120 счастливицев, принятых на первый курс.

Осенью 1887 года, когда я впервые приехал в Петербург держать экзамены в Технологический институт, Петербург переживал время самой мрачной реакции. Правительство Александра III задушило «Народную волю», послав на виселицу Желябова, Перовскую¹ и их товарищей. Оно жестоко расправилось с последними остатками этой героической организации, отправив в казематы Шлиссельбурга Веру Фигнер и ее товарищей.

8 мая 1887 года были повешены Александр Ильич Ульянов (брат Владимира Ильича), Осипанов, Андреюшкин, Генералов и Шевырев — кажется, последняя ак-

---

¹ Андрей Желябов и Софья Перовская — виднейшие деятели партии „Народной воли“ — принимали непосредственное участие в террористических актах и покушениях на Александра II, который был убит 1 марта 1881 г. при их участии. Были повешены 3 апреля 1881 г. в 9 часов утра в Петербурге на Семеновском плацу вместе с Кибальчичем, Рысаковым и Михайловым.

тивная народовольческая группа, пытавшаяся бороться с самодержавием теми же методами террора, какие применяла старая «Народная воля».

Всякие попытки не только революционного сопротивления, но и какой бы то ни было оппозиционной организации подавлялись самым свирепым образом.

В учебном деле был установлен самый жестокий режим; его не избегал и Технологический институт, а в год моего поступления уничтожились последние вольности института: вводилась форма для студентов, была организована инспекция, система педелей (надзирателей) и шпионство сводили на-нет всякого рода студенческие организации и учреждения. Была чрезвычайно увеличена нагрузка студентов чертежной работой и механическими занятиями в мастерских, с явной целью доводить студентов до максимального одурения, не оставляющего в мозгах места ни для каких «вредных» мыслей.

И тем не менее революционные традиции были очень живучи, и молодежь всячески стремилась, хотя бы уйдя в подполье, сохранить возможно больше былых студенческих вольностей. И надо сказать, что технологам действительно удалось больше чем другим высшим учебным заведениям отстоять студенческие учреждения. Причина этого лежала, во-первых, в том, что институт был одним из крупнейших учебных заведений, сосредоточивая в себе значительную массу молодежи. Другие технические институты, как Горный, Лесной, Институт гражданских инженеров, Электротехнический, были сравнительно небольшими школами с сотней-другой студентов, и борьба начальства со студентами в них была сравнительно легка и проста. Другой причиной было то, что по самому роду своей работы технологи значительно больше были объединены, чем, например, студенты Университета.

Технологический институт по типу занятий значитель-

но больше напоминал фабрику и завод, чем Университет. Вот чем я объясняю значительно большую солидарность и большую способность к согласованным выступлениям, какие, несомненно, отличали в то время технологов. Тем же надо объяснить, почему технологам, несмотря на все неистовства министерства народного просвещения, удалось сохранить некоторые из своих студенческих учреждений, в то время как в других учебных заведениях, и в особенности в Университете, они были разгромлены полностью¹.

Одним из наиболее важных учреждений этого рода была столовая технологов. Она помещалась в небольшом здании во дворе института против ворот с Забалканского проспекта, где, по всей вероятности находится и сейчас. Столовая существовала на средства, каким-то чудом отпускавшиеся канцелярией института, и, что еще более непонятно, ее управление находилось всецело в руках самих студентов. Существовала особая комиссия по управлению столовой, избиравшаяся всеми студентами по курсам путем подачи записок.

Инспекторская нога не вступала на территорию столовой, и даже во время студенческих беспорядков инспекция, по какой-то установившейся традиции, не решалась сунуться в столовую. Лишь только в большие беспорядки 1890 года, когда в столовую была приведена группа арестованных студентов, столовая увидела в своих стенах — городских, околоточных и приставов петербургской полиции: это почиталось еще более сносным по сравнению с инспекцией. Столовая, помимо того, что многим сотням технологов позволяла избавиться от преждевременных катаров желудка, играла, несомненно,

---

¹ В университете все студенческие учреждения были разгромлены, главным образом, после покушения 1 марта 1881 г., участниками которого были почти исключительно студенты университета.

большую роль в деле объединения и сплочения студенчества. Прежде всего, она была местом, где ежедневно бывал почти весь институт и где можно было встретить нужного товарища или группу товарищей. Правда, никакие сходки и большие совещания в столовой обыкновенно не разрешались, так как имелось серьезное предупреждение директора института, что столовая неминуемо будет закрыта, если ею будут пользоваться для сходок; тем не менее, групповые совещания всегда можно было устраивать в столовой или подготавливать там собрания кружков и вне стен института. В столовой можно было вывошивать всякого рода объявления, производить сборы денег на всякие нелегальные надобности, передавать друг другу книги и брошюры и вообще обделывать все студенческие дела, не опасаясь прямо попасться на глаза инспекции. Уже и это само по себе в те трудные времена было громадным преимуществом, отличавшим технологов от всех других студентов.

Другим учреждением, но уже нелегальным, была библиотека. Официальная библиотека института, заключавшая в себе довольно богатое собрание книг по экономическим и социальным наукам, в наше время была уже наполовину запечатана. В ней выдавались для чтения студентам исключительно только технические книги. При громадной тяге, существовавшей у студенчества к изучению экономики и социологии, к запрещенным классикам и к революционной литературе, понятно было стремление иметь свою библиотеку, которая могла бы удовлетворить это требование.

Я не знаю, кем и когда было положено основание нелегальной студенческой библиотеке, но факт то, что немедленно по открытии учебных занятий все мы, новички-студенты с левым уклоном, стремились записаться в очередь кандидатами на получение тех или иных книг, пользовавшихся в те времена наибольшей славой. Эти

большей частью запрещенные или изъятые из обращения книги (нелегальных в собственном смысле слова среди них в библиотеке почти не было) хранились небольшими партиями, по 2-3 книги, на квартире у ответственных библиотекарей-студентов. Они выдавались на руки читателям в порядке очередности, по записям в особых каталогах, которые ежедневно выкладывались в чертежных у дежурных библиотекарей. При такой системе хранения и выдачи книг вся организация получала почти неуловимый для инспекции и полиции характер, так как, в худшем случае, могли провалиться один или два студента-библиотекаря, а вместе с ними не больше полудюжины книг.

Конечно инспекция и полиция догадывались о существовании библиотеки, но они не слишком рьяно ее преследовали. Тут было, так же как и в столовой, нечто в роде молчаливого соглашения. Сами студенты избегали в этой библиотеке держать революционные издания, очевидно, с тем, чтобы не подать лишнего повода полиции и жандармам слишком придирчиво относиться к библиотеке. С другой стороны, ни инспекция, ни полиция не решались затевать большого скандала, зная, что при сплоченности студентов все равно не удастся целиком провалить эту организацию.

Конечно, при посредстве этой полулегальной библиотеки устанавливалась хорошая связь и для распространения уже чисто революционных брошюр и прокламаций; эту работу вели кружки, которые, не имея официального касательства к столовой или библиотеке, пользовались ими в своих революционных целях.

Я в течение нескольких лет был библиотекарем, предаваясь этому делу с рвением спортсмена. Элемент спорта был тут не только в некотором риске, но в особенности в добывании редких книг. В Петербурге не было ни одной лавочки букинистов, которую я не посетил бы, и, если где-либо появлялся первый том «Капи-

гала» или другие книги, знакомые букинисты давали мне знать. Я отпирывался добывать книгу, не останавливаясь даже перед такими сверхъестественно большими, по тогдашним временам, затратами, как 10 или 15 рублей за одну книгу. При теперешнем обилии всякого рода политической литературы трудно понять то ликование, которое охватывало нашу коллегия библиотекарей, когда кому-либо из нас удавалось выудить какой-либо редкий экземпляр книги.

Кроме этих студенческих организаций, существовали и так называемые землячества. Это были очень неопределенные объединения молодежи с зачатками таких учреждений, как кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки для изучения тех или иных наук. Внутри землячеств шла довольно сильная борьба различных течений. Остатки революционных организаций пытались использовать землячества для революционной пропаганды среди молодежи и для пополнения своих кадров. Наша небольшая группа тюменцев, усвоив почти каким-то чутьем, что ключ всего социального знания в экономике, действительно упорно принялась за изучение политической экономии. Мы выбрали политическую экономию Милля¹ с примечаниями Чернышевского² и

---

¹ Джон Стюарт (1806—1873) Милль—известный английский буржуазный экономист.

² Николай Гаврилович Чернышевский (1823—1889)—выдающийся писатель и экономист; был одним из вождей революционного движения 60-х годов. Революционный демократ. Перевел книгу Милля: „Основания политической экономии“, снабдив ее своими примечаниями, написал целый ряд политических, экономических и литературных произведений. Развивал взгляды на крестьянскую общину, как на зачаток социалистического общества. Его произведения, в особенности роман „Что делать“ зачитывались до дыр революционной молодежью своего времени. Царское правительство жестоко преследовало Чернышевского, и его произведения были запрещены.

Был приговорен к 14 годам каторжных работ и вечному поселению в Сибирь, где прожил почти до самой смерти.

принялись за нее, можно сказать, с остервенением, вкладывая в это дело лучшие навыки по одолению других наук, вынесенные нами из училища.

Вспоминаю 1888-89 годы, когда наш небольшой кружок в 6-8 человек собирался вечерами, раза 2-3 в неделю для заслушания очередного реферата той или иной главы «Оснований политической экономии».

Реферат кончался спорами и обсуждением, неясные места книги перечитывались в подлиннике, а в конце собрания кому-либо из членов кружка поручался реферат следующей главы. Конечно, знакомство с этой книгой не давало сколько-нибудь систематического знания политической экономии, но оно дало нам здоровую закваску и помогло дальше разбираться в литературе. К концу года в различных петербургских кружках уже ходил слух о каких-то упрямых сибиряках, решивших одолеть политическую экономию.

Эти «дикие люди» возбуждали любопытство, и в 1889 году на студенческих вечеринках нам неоднократно приходилось вступать в словесные бои с другими студентами, отстаивая первостепенное значение экономики. Мы, как провинциалы, разумеется, были несравненно менее образованными и даже просто невежественными по сравнению с некоторыми представителями петербургского университетского студенчества. Помимо более систематического изучения общественных и исторических наук, многие из них знали иностранные языки и читали в подлинниках книги, русские переводы которых либо вовсе не существовали, либо были запрещены тогдашней цензурой; мы же явились из глухой Сибири, где кроме толстых журналов, не было никакой литературы.

Недостаток знаний восполнялся юношеской горячностью и здоровыми голосами. Аудитория, состоявшая обычно из молчаливых юнцов и еще более молчаливых курсисток, не без некоторого уважения отзывалась на

выступления сибирских дикарей, и к концу 1889 года боевые качества нашего кружка считались в студенческих кругах Петербурга довольно прочно установившимися.

Разумеется, мы не ограничивались Миллем и Чернышевским: всякий уважающий себя студент в те времена считал для себя обязательным прочесть всю запретную литературу. Поэтому мы, поскольку это позволяли студенческие библиотеки, знакомились кое-как не только с различными запрещенными книгами Чернышевского, Лаврова и др., но изредка и с нелегальными изданиями «Народной воли» и кое-какими заграничными подпольными брошюрами. Естественные науки отошли на второй план, тем более, что казенное преподавание физики и химии в Технологическом и других институтах сильно охладило наш пыл, и для многих из нас оно превратилось в отбывание повинности в виде репетиций и экзаменов.

К весне 1889 года мы покончили с Миллем, и я получил от кружка задание — летом подготовить реферат по первой и второй главе «Капитала». Лето это мне пришлось провести в Камышловском уезде, Пермской губернии, и я действительно основательно просидел над этими двумя главами «Капитала». К осени я вернулся в Петербург с довольно толстым конспектом 1-й и 2-й глав «Капитала», превышавшим по объему во много раз самый оригинал, так как трудный и сжатый язык Маркса я старался сделать понятным для своих не очень искусных в философии сотоварищей¹. Занятия наши «Капиталом» шли несколько менее усидчиво, и, если не ошибаюсь, кружок наш прекратил работу, не одолев до конца всей книги. Мы подросли, обзавелись всякими

---

¹ Конспект этот попал в руки охраны при каком-то из многочисленных обысков.

другими знакомствами и связями, каждый несколько больше углубился в свою специальную институтскую работу. У нас стало меньше времени и охоты для работы в кружке, который когда-то для первокурсников был естественным прибежищем и крепостью в чуждой и даже полувраждебной среде. Еще более важная причина заключалась в том, что некоторые из нас стали заводить связи с группами, пытавшимися вести практическую революционную работу, а это обязывало к конспиративности.

В марте 1890 года в Петербурге в Технологическом институте, а затем и в других высших учебных заведениях вспыхнули так называемые студенческие беспорядки по случаю несправедливого увольнения одного студента. Движение выразилось в ряде сходок и в забастовке. Попытки начальства уговорить не имели успеха; студенты выставили ряд ораторов, клеймивших институтские порядки и выставлявших студенческие требования. Я не помню теперь всех этих требований, но они были до смешного скромны и, тем не менее, не были приняты начальством.

Студенты забаррикадировались в институте и очень весело и дружно проводили время в ораторских упражнениях и хоровом пении, пока институт не был занят отрядом городских и конных жандармов. Явился градоначальник Грессер в сопровождении свиты из увешанных орденами приставов и околоточных и объявил нас всех арестованными. Под вечер в тюремных каретах всех развезли по различным полицейским частям города, и наша случайная группа в 99 человек попала к ночи в арестантскую камеру Коломенской части. Весело и шумно, с пением, играми и всякими дурачествами, вплоть до выработки научного метода истребления клопов, мы просидели дня три. По истечении их нам было объявлено торжественное решение педагогического совета, утвержда-

денное тогдашним министром народного просвещения, тупым и бездарным Деляновым: исключить главных вожаков сходок из института без права поступления куда бы то ни было и выслать. Следующая группа была приговорена к высылке без права обратного поступления в петербургский институт; наконец более многочисленная группа, в которую попали и я с братом, была предназначена к высылке из Петербурга без дальнейшего упоминания.

Лето 1890 года мы с братом провели в Казани, а к осени сначала мне, а потом и брату удалось получить разрешение на обратный прием в институт на тот же курс, с которого мы были уволены.

Разумеется, от внимания кружка технологов, пытавшегося вести революционную работу, о котором я только что упомянул, не могли ускользнуть студенты, оказавшиеся в первых рядах во время этих «беспорядков». Естественно поэтому, что, по моему возвращении в Петербург члены кружка попытались завязать со мною более тесное знакомство. С некоторыми членами, этого кружка, а именно: с Цивинским и, в особенности, с Брусневым, у меня установились очень тесные дружеские отношения. Наблюдая их в институте, я догадывался, что они ведут какую-то работу помимо знакомых мне студенческих учреждений, как-то: легальной столовой, полулегальной кассы взаимопомощи, библиотеки и пр. Мы часто толковали о разных вопросах, и Бруснев и Цивинский знали, с кем имеют дело. В частности, им было известно, что по тогдашнему времени я уже успел приобрести довольно значительные знания по тем вопросам, которые считались обязательными для студента. К тому времени я уже основательно знал первый том Маркса, а в более тесном кружке мы принялись уже и за изучение только что появившегося перевода II тома. (Ни немецкого, ни других языков никто из нас тогда еще не

знал; только побыв в тогдашнем «всероссийском университете» — тюрьме, многие из нас начали читать на иностранных языках). В одну из таких бесед кто-то, кажется Цивинский, принес брошюру Г. В. Плеханова «Наши разногласия». Так я впервые узнал о существовании группы «Освобождение труда»¹. Брошюра Плеханова была для всех нас откровением и дала нам совершенно твердую позицию в борьбе с теми народофильскими течениями, которые впоследствии выкристаллизовались в партию социалистов-революционеров. Таким образом я вступил в кружок Бруснева, Цивинского и других, но так как организация кружка была строго конспиративная, то о деятельности его во всем его объеме мне сообщалось еще очень немного. Из опасения провала всей организации вновь привлекаемые члены состояли в сношениях лишь с одним или двумя членами кружка, не зная ни адресов, ни прозвищ остальных членов.

Это были первые социал-демократы, с которыми мне пришлось столкнуться.

Конечно о каком-либо стройном, законченном мировоззрении, которое в это время, несомненно, было у Г. В. Плеханова и его товарищей, тут еще нельзя было

---

¹ Группа „Освобождение труда“ возникла в 1885 г. Ее организаторами были Плеханов, Аксельрод, Дойч, Игнатов, Вера Засулич. Она является первой революционно-марксистской организацией и может считаться зародышем и первым камнем будущей социал-демократической партии. В том же 1885 г. Плеханов выпустил книгу „Наши разногласия“, сыгравшую большую роль. В этой книге он жестоко обрушился на все заблуждения народников, считавших, что Россия не пойдет по пути капитализма, а перескочит через этот этап, так как они находили, что деревенская община есть нечто в роде ячейки социализма, через которую совершится переход к новому, социалистическому строю. Плеханов (а затем в ряде блестящих произведений и Ленин), наоборот, доказывал, что Россия неизбежно пойдет по пути капиталистического развития и тем самым создаст класс пролетариев — будущих застрельщиков революции и могильщиков капитализма.

говорить. В частности Цивинский довольно часто обивался в народовольческую и даже вообще народническую ересь. Помню, что, убеждая меня принять участие в их организации, он доказывал это необходимостью создания хотя бы небольшой инициативной группы, связанной с рабочими Петербурга, которая могла бы, при неизбежно предстоящем падении самодержавия, взять на себя руководство «восстанием» и организацию нового правительства.

Цивинский, правда, во главу угла ставил работу среди рабочих. Однако ему тогда еще не были ясны в полной мере значение и роль рабочего класса, он лишь считал питерскую рабочую среду наиболее пригодной для воспитания активных революционеров и для создания будущего революционного центра.

Механизм самого переворота представлялся весьма смутно; впрочем, я припоминаю определенное и даже резкое несочувствие методам террора со стороны участников группы. Когда при задушевных беседах я полупугая спрашивал: «Ну, а как же отрицать целесообразность террора, если, скажем, технический прогресс в области взрывчатых веществ позволил бы осуществлять террористические акты не с громоздкими бомбами, а со снарядами величиной в грецкий орех?» эта тема довольно сурово обрывалась моими старшими сотоварищами.

Студент-технолог Михаил Иванович Бруснев был одним из главных руководителей всей организации наряду с Василием Семеновичем Голубевым («дядя Сея»), студентом Университета, о котором речь будет впереди. Бруснев уже тогда был вполне сложившимся марксистом, великолепно знал всю тогдашнюю популярную литературу социализма и был, кажется, главным организатором и вдохновителем всей пропагандистской работы. Он же поддерживал и непосредственные связи с руково-

дителями рабочих кружков Петрограда и, происходя сам из допских казаков, совершенно не имел того интеллигентского вида, который другим, и мне в том числе, несколько мешал при сношениях с рабочими. Нас всегда можно было отличить на собрании или в кружке, как интеллигентов, Бруснев же в большинстве случаев сходил за своего брата — рабочего. Будучи очень конспиративным и не выдаваясь особенно вперед в студенческих организациях, — что больше всего способствовало провалам, — Бруснев проработал на свободе дольше всех нас и не провалился в Питере, несмотря на энергичную работу и личную связь со всеми другими руководителями.

В один из октябрьских дней 1890 года Цивинский, подойдя ко мне в институтской столовой, мимоходом бросил: «Есть кружок на Обводном канале, из рабочих Резиновой мануфактуры и ткачей, туда нужен интеллигент для систематических занятий и пропаганды». Я выразил согласие, и тут же мы условились относительно конспиративной клички, под которую я буду работать в кружке. Так я превратился в «Никитича» и пользовался этим именем в последующие годы партийной работы.

В один из ближайших вечеров я, как было условлено, явился на квартиру Бруснева, где-то на Бронницкой. Здесь я переоделся: сменил в его комнате свою студенческую одежду на высокие сапоги, косоворотку, какое-то поношенное пальто и шапку, надвинутую по самым брови, слегка выпачкал себе руки и лицо сажей из печной трубы; придав себе вид мастерового, я бойко вышел по направлению к Обводному каналу, где на условленном месте встретился с Цивинским, который должен был ввести меня в рабочий кружок.

В морозном тумане, при слабом свете редких фонарей, оглядываясь по временам — не ведем ли за собою шпика, шагали мы по Обводному каналу, пока не пришли

к большому дому на углу Обводного канала и Екатерингофского проспекта.

Но плохо освещенной лестнице — электричество тогда в Питере было лишь в Марининском театре и на Новском — поднялись в 4-й или 5-й этаж, вошли в квартиру обычного питерского дома в рабочем квартале, где на нас пахнуло своеобразным сырым и теплым воздухом рабочего жилья с запахом хлеба, щей и махорки. Вошли в небольшую комнату с двумя окнами; из-за стола с небольшой керосиновой лампой навстречу нам поднялся сухой, сутуловатый человек с бледным лицом и горящими глазами, выражение которых как-то скрывалось за сильно увеличивающими зрачки очками. Это был организатор кружков Федор Афанасьев, по профессии ткач, на вид лет 37, родом из Ямбургского уезда, прошедший всю свою жизнь на фабриках Петербурга. Сухой кашель прерывал его речь, а тонкие, нервные пальцы выдавали многолетнюю привычку управляться с нежной хлопчатобумажной нитью на ткацком станке.

Имя Федора Афанасьева принадлежит к числу тех имен, которые на вечные времена должен чтить рабочий класс России. Уже в те дни вся его жизнь была посвящена исключительно пробуждению сознания и организации рабочего класса. Несмотря на свое слабое здоровье, этот человек носил в себе неисчерпаемый запас энергии и страсти и весь был полон планов, вечно будил и толкал менее развитых рабочих. Он организовывал кружки, кассы взаимопомощи, использовал каждое событие фабричной жизни, каждый номер газеты, чтобы указывать рабочим на их интересы и призывать их к объединению, к борьбе за отстаивание этих интересов.

Федор Афанасьев был одним из того десятка руководителей тогдашнего рабочего Питера, которые стояли во главе нескольких подпольных рабочих кружков — выступали руководителями рабочих при отдельных, тогда

еще едва начинавшихся массовых выступлениях, в роде стачек, требований удаления нелюбимых мастеров, борьбы за увеличение заработной платы и т. д.

Цивинский познакомил меня с Афанасьевым, от которого на меня с первых же слов повеяло теплом близкого товарищеского отношения, к которому у него примешивался оттенок некоторого покровительства — 37-летний ткач, уже видавший виды на своем веку, вероятно, смотрел на меня, как на мальчишка, берущегося за непривычное и опасное дело.

Мы условились относительно начала занятий, при чем, за неимением иных возможностей, решили заниматься в этой же комнате Федора Афанасьева раза два в неделю.

Через несколько дней таким же порядком, но уже один, я пришел к Федору Афанасьеву и застал у него в сборе весь кружок. Я уже не помню теперь всех его участников. Там было шесть или семь рабочих, большей частью молодежь, от 20 до 25 лет, среди них брат Федора — Егор, впоследствии также довольно известный в рабочих кружках Петербурга. Вместе с ними были и две девушки-работницы, кажется, с Резиновой мануфактуры. Одна из них — Анюта (фамилии ее я теперь не помню), а другая — Верочка, впоследствии Вера Марковна Карелина, очень известная в рабочих кругах Петербурга. Первое собрание нашего кружка было посвящено взаимному ознакомлению и общей цели наших будущих занятий. Согласно принятому правилу, мы исходили из непосредственных интересов рабочих, и потому отправным пунктом моей беседы были краткие очерки тогдашнего положения рабочего класса в России. При этом я пользовался главным образом теми материалами, которые публиковались в отчетах фабричных инспекторов и, в особенности, в отчетах наиболее известного из них тогда профессора Янжула — о бедственном и угнетенном положении рабочих. Естественно, мы переходили к выводам

о необходимости борьбы за улучшение экономического положения, за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня. В виде сравнения приводились данные о положении рабочих на Западе. Это последнее рисовалось тогда в довольно розовом свете, и мы сами, руководители кружков, весьма наивно заблуждались относительно благоденствия европейских «белых рабов».

Но как добиться русскому рабочему человеческих условий существования? Разумеется, добровольно капиталист не уступит ни копейки из своих выгод, и единственный путь — это борьба, а борьба может рассчитывать на успех только при объединении рабочих. Силе капиталиста нужно противопоставить объединенную мощь организованных рабочих. Сама фабрика, сам капиталистический процесс производства ежедневно учит объединять свои силы в борьбе, противопоставлять интересы пролетариата интересам капитала, вести с последним непримиримую борьбу. Развитие самосознания отсталых слоев рабочих, необходимость на каждой фабрике и заводе указывать рабочим на их тяжелое положение и на борьбу, как исход из него — вот какова была программа рабочих.

Но борьба даже за отстаивание только своих насущных материальных интересов наталкивалась не только на капиталиста, директора, приказчика, надсмотрщика, но, пожалуй, еще больше на городского, околоточного, пристава. Весь аппарат царской власти был к услугам капиталистов и при малейшей попытке рабочих к мирной организации, не говоря уже об открытом сопротивлении, вызывал немедленно жесточайшие репрессии, вплоть до арестов, высылки по этапу на родину, отсидки в участке.

Бесправное положение деревни было также хорошо известно всем моим слушателям, так как и они большей частью были выходцами из деревни.

Поэтому борьба с самодержавием, борьба за изменение сурового и гнусного царского режима являлась совершенно необходимым выводом с точки зрения интересов рабочих. Тут же мною проводилось сравнение с более счастливым положением рабочих на Западе, которые имели хотя бы возможность организовываться и вести борьбу против капитала в легальных рамках.

Наконец как заключение всей беседы — единство интересов рабочих всех стран и всех народов, международная солидарность пролетариата, борьба за социализм и воцарение на всей земле вечного царства труда, в котором эксплуатация человека человеком будет возбуждать такое же изумление людей, как в нас — ледоедство.

Часа два продолжалась эта первая моя речь, обращенная непосредственно к рабочим, и по лицам своих слушателей я мог безошибочно заключить, что нами был выбран правильный путь. Остальную часть вечера мы посвятили оживленным беседам по поводу высказанных замечаний; участники кружка наперебой из своей личной практики и наблюдений приводили случаи, подтверждающие выводы и положения беседы. Каждый из участников кружка заявлял о желании учиться и работать, чтобы стать сознательным борцом за интересы рабочего класса.

Следующие собрания были посвящены уже текущей работе по установленной программе. Обычный порядок был таков: сначала мой доклад или реферат по программе, затем вопросы слушателей, обсуждение заслушанного и мои вопросы отдельным товарищам, чтобы уяснить, насколько правильно понята ими та или иная мысль. Вторая половина собрания посвящалась обычно разговорам о текущих делах на той или иной фабрике или заводе, о различных случаях столкновений рабочих с фабричной администрацией, о фактах проявления и развития сознательности в рабочей среде. Затем говорили

о более выдающихся городских событиях, о газетных известиях, касающихся Западной Европы и Америки. Как техник, да еще увлекающийся естествознанием, я часто рассказывал своим слушателям о новейших завоеваниях техники, грандиозных промышленных начинаниях Европы и Америки, оравнивая их с хозяйственным и техническим убожеством нашей страны, рост и развитие которой задерживались самодержавием.

До самого конца учебного года, т. е. до весны 1891 г., я не припомню, чтобы в нашем кружке пришлось обсуждать какое-либо активное массовое выступление, в котором мне и моим слушателям приходилось бы принять непосредственное участие.

Агитационные моменты нашей работы таким образом не получали еще тогда непосредственного практического применения. Это были семена, давшие всходы впоследствии, в половине 90-х и начале 900-х годов.

Центром тяжести всей нашей работы того времени была, несомненно, пропаганда, так как организационная связь отдельных, существовавших тогда в Петербурге кружков была также еще очень слаба. Первые зародыши совместных выступлений надо отнести к маевке 1891 года и участию наших кружков в похоронах известного передового писателя и публициста Н. В. Шелгунова.

Зато пропаганда была поставлена с такой основательностью, которой, вероятно, уже не наблюдалось в последующие годы. Мы рассуждали таким образом: чтобы сделать рабочего вполне восприимчивым к идеям социализма, чтобы подготовить действительных вождей рабочего класса, необходимо прежде всего познакомить их с основами естествознания, а затем уже перейти к изучению общественных наук.

Разумеется, лишь со снисходительной усмешкой приходится теперь относиться к этой широченной програм-

ме, набросанной молодыми студентами. Но мы брались за нее всерьез и осуществляли, поскольку позволяло время и материальные возможности. Одним из необходимых условий были, разумеется, популярные книги или брошюры по различным отраслям знаний. Ибо нельзя было всю премудрость уложить в рефераты и лекции, и ознакомление с основами таких наук, как физика, химия, геология, приходилось осуществлять, давая на дом для прочтения достаточно популярные брошюрки. В те времена такой литературы почти еще не было, и, вероятно, по пальцам можно было бы перечислить отдельные книжки. Приходилось выискивать статьи из журналов, составлять рукописные рефераты. Иногда и самим пропагандистам с великим трудом удавалось достать источники, чтобы подготовиться к беседе.

В общем работа кружка протекала удовлетворительно; лишь два-три человека после первых собраний начали пропускать собрания и частью даже совсем поотстали. Занятия кружка удалось благополучно продолжать вплоть до самой весны, когда по независящим обстоятельствам мне пришлось надолго покинуть Питер.

Один только раз судьба нашего кружка повисла было на волоске. В декабре 1890 года в Питере производилась всеобщая перепись населения, в которой студенты принимали большое участие, в надежде в короткий срок заработать 20-25 рублей. Нужно же было случиться, что мне и моему брату достался по переписи как раз тот угловой дом на Обводном канале и Екатерингофском проспекте, в одну из квартир которого регулярно раза два в неделю я являлся под видом простого рабочего. Мы вели перепись в качестве студентов и должны были войти в непосредственное соприкосновение со старшим дворником дома, бородатым одноглазым детиной, который, подобно всем старшим дворникам, являлся конечно и агентом охранки. Само по себе это конечно еще ничего не озна-

чало, тем более, что по переписи я являлся в дом одетым в форму студента. Но вот через несколько недель по окончании переписи, когда мы мирно сидели в комнате Федора Афанасьева, обсуждая очередные вопросы, раздался звонок, и «дежурный» возбужденным шопотом крикнул в нашу комнату: «Старший дворник».

Мы перетянулись, переменили места; Федор Афанасьев вытащил из шкапчика бутылку с водкой и несколько рюмок, и вся компания приняла вид приятелей, собравшихся по поводу именин или чего-нибудь в этом роде. Через несколько минут вошел в комнату дворник и испытующим взглядом окинул всех присутствующих. Федор предложил ему выпить, сказав, что справляйтесь именины. Я разумеется, ни в какие разговоры с представителем власти не вступил, а, напротив, повернулся к нему спиной, поддерживая разговор с кем-то из присутствующих. По счастью, костюм мой и вид не возбудили его подозрения, и все дело кончилось благополучно.

Могло бы кончиться иначе, и по тем временам раскрытие такого кружка, несомненно, послужило бы поводом для создания громкого дела, а для всех участников окончилось бы несколькими годами отсидки и высылки в Сибирь или северные губернии.

Мне лично не пришлось ничем полатиться за это первое пропагандистское выступление, и я вынужден был расстаться со своими учениками по совершенно другому поводу.

Я не помню, сколько именно кружков, подобных моему, было во всем тогдашнем Петербурге, но полагаю, что количество их колебалось между 10 и 15. Соответственно этому и штаб рабочих руководителей кружков едва ли превышал в то время 15-20 человек. Кроме Федора Афанасьева, лично мне тогда по соображениям конспирации не пришлось сталкиваться с кем-либо из других рабочих руководителей, и с некоторыми из них

я познакомился уже значительно позднее, по возвращении из ссылки.

Из интеллигентов, стоявших во главе работы, кроме своих технологов, с которыми я соприкасался в институте, нужно упомянуть В. С. Голубева.

Последний был известен в то время в рабочих кругах под кличкой «дяди Сени». Он был в такой же степени, как и М. И. Бруснев, душой всего дела и, имея тогда, вероятно, уже за 30 лет, неутомимо шагал из одного рабочего района в другой, не возбуждая, так же как и Бруснев, благодаря своему рабочему виду, ничьих подозрений, особенно когда был соответственно одет. Я не особенно близко сталкивался с Голубевым и не могу доподлинно сказать, каково было его мировоззрение. Во всяком случае, едва ли ошибусь, утверждая, что он был таким же марксистом, как и Бруснев, отрицал террор и в то время вел подлинную социал-демократическую работу.

К сожалению, позднее, уже будучи в ссылке, В. С. Голубев начал уходить от социал-демократии и окончил свои дни редактором полулиберальной газеты «Наша жизнь». Отправляясь в ссылку в 1895 году, на одной из почтовых станций между Красноярском и Иркутском я встретился с Голубевым, который возвращался из ссылки, и мы в течение двух часов жарко спорили на почтовой станции в ожидании перепряжки лошадей. Пламенному марксисту, настроенному весьма боевым образом по отношению ко всему, что имело какое-либо касательство к народничеству, конечно невозможно было договориться ни в чем с Голубевым; он отошел от марксизма и возвращался в Россию с какими-то непонятными мне взглядами, от которых он сам вскоре отказался в пользу еще более умеренной программы.

Возвращаясь однако к нашим кружкам. Работа шла мирно до самой весны. В марте 1891 года в Петербурге

скончался писатель Н. В. Шелгунов — событие, послужившее своего рода искрой и вызвавшее вспышку того горючего материала, который накопился в революционном и оппозиционном студенчестве за два-три года.

Похороны радикального писателя превратились в студенческую демонстрацию, которая повлекла за собой разгром большей части тогдашних студенческих организаций Петербурга и вызвала высылку 100—150 наиболее активных вожakov студенчества.

Похороны Шелгунова были вместе с тем и той первой общественной манифестацией, на которой выступил русский рабочий. Как только известие о похоронах Шелгунова распространилось по Петербургу, руководители рабочих кружков постановили принять участие в похоронах, возложив на гроб Шелгунова венок от имени рабочих. Этот венок был возложен на гроб с красной лентой и надписью, составленной самими рабочими: «Указателю пути к свободе и братству». Околько мне известно, для рабочих и для всей тогдашней нашей организации похороны Шелгунова сами по себе не повлекли за собой никаких результатов. Последовавшие вскоре аресты Бартеньева и В. С. Голубева были, по всей вероятности, следствием общей слезки, достаточно в то время свирепой, чтобы по истечении одного-двух лет автоматически напасть на след любой организации.

К сожалению, лично я уже не мог участвовать в дальнейшей работе всей этой организации, так как оказался в числе высланных за шелгуновскую историю. Уже на другой день после похорон, рано утром, в комнату на Забалканском проспекте, в которой мы жили втроем, с моим братом Г. Б. Красным и одним технологом, явились околоточные надзиратели и агенты охраны. Часа к десяти утра мы были уже в помещении градоначальства и в тот же день, со скудным студенческим багажом, выезжали по Никольской ж. д. из Петербурга.

Обосновавшись в Нижнем-Новгороде и не теряя надежды когда-нибудь возвратиться в Петербург для окончания института, я решил поступить в солдаты и отбыть вольноопределяющимся воинскую повинность, чтобы не терять потом времени на ее отбывание по окончании курса. В поисках работы я попал к военному инженеру Г. П. Ревенскому, известному впоследствии специалисту по отоплению и вентиляции хлебопекарных и других помещений. Его печи, быть может, и по настоящее время сохранились еще кое-где в рабочих казармах фабрик Ивановского и Шуйского районов.

У Ревенского я проработал все лето в качестве чертежника, а осенью поехал десятником в село Кохму, на фабрику Яскнинских, где и строил эти печи, весьма увлекаясь техникой дела. Прекращение строительных работ за зимним временем выгнало меня обратно в Нижний. Там мой патрон, в воздаяние за мои технические подвиги, устроил мне службу вольноопределяющимся, в качестве так называемого кондуктора при Ярославской инженерной дистанции, нечто в роде военного десятника по строительным работам. Я остался жить в Нижнем вместе с братом, который поступил в пехотный полк также вольноопределяющимся. Жили мы на вольной квартире и за исключением служебных часов, проводимых в канцелярии и казарме, вели образ жизни, приблизительно одинаковый с другими высланными студентами, которыми в эту зиму был полон Нижний-Новгород.

В Нижнем-Новгороде жило в то время немало видных народников и либералов, как напр., известный писатель В. Короленко, статистик Анненский и другие.

В качестве высланных студентов и нам был открыт доступ в салоны этой радикальной интеллигенции. С первой же встречи выяснилось непримиримое расхождение взглядов, и вся нижегородская интеллигенция разделилась на два лагеря — народников и марксистов.

Выступала от марксистов обыкновенно молодежь, в том числе мы с братом; наша молодежь нашла большую идейную поддержку в лице одного из самых ярких по тем временам марксистов — Павла Николаевича Скворцова¹.

Еще летом того же 1891 года, принимая участие в какой-то довольно многолюдной студенческой прогулке на лодках вверх по Оке, среди молодежи, я заметил довольно скромного человека, невысокого роста, в очках, с загорелым лицом и надвинутым по самые брови картузом. Даже для тогдашней компании он был одет уж слишком неприхотливо — в довольно грязную, поношенную красную рубаху с поясом и в пальто, как будто с чужого плеча. Несмотря на теплую погоду, он кутался в это пальто и прятал на груди какой-то сверток. Мы разговорились, и, как всегда в те дни, очень скоро разговор перешел на теоретические темы. Собоюдник пронзительно поглядывал на меня своими серенькими глазками и задавал несколько насмешливым тоном вопросы. Затем начал высказываться и он сам, и я к радостному моему удивлению, открыл в нем не только сторонника марксистских воззрений, но и очень искусного в этой материи человека, написавшего уже ряд статей в тогдашнем «Юридическом вестнике», издававшемся в Москве.

Сверток, который П. Н. прятал на своей груди, был не чем иным, как рукописью только что законченного им тогда произведения, в котором он наголову разбивал столпа тогдашнего народничества — Воронцова (известного под псевдонимом В. В.) — уничтожающей критикой его книги «Судьбы капитализма в России». На мой

¹ Следует отметить только, что, будучи убежденным и знающим марксистом, П. Н. Скворцов совсем не был революционером, на что Владимир Ильич указал уже после первого знакомства с ним.

(А. Елизарова)

вопрос, зачем же таскать с собой на Оку такую громоздкую рукопись, П. Н. Скворцов застенчиво ответил, что квартира у него где-то на чердаке, не очень надежная, рукопись может сгореть или быть украденной, например на цыгарки; ему тогда пришлось бы начинать всю работу сначала, а между тем, это был почти единственный его заработок на предстоящую зиму. П. Н. Скворцов был тоже статистиком, но так как руководителями статистики были народники, а сам П. Н. отличался большой нетерпимостью ко всем, несогласно мыслящим, то его заработки от статистических работ в Нижнем не могли быть сколько-нибудь значительными. Поэтому гонорар, получавшийся от «Юридического вестника», был действительным подспорьем в его чрезвычайно демократическом бюджете.

Наши словесные бои со статистиками, народниками, привлекли на нашу сторону почти всю нижегородскую молодежь, и из тогдашних нижегородских гимназистов и гимназисток, присутствовавших при этих словопрениях, вышло потом немало работников нашей партии.

В самом Нижнем, да еще нося на плечах солдатскую шинель, трудно было думать в то время о непосредственной работе среди заводских рабочих. Впрочем, у П. Н. Скворцова, Григорьева и других нижегородских марксистов в то время, кажется, уже заводились кое-какие связи с сормовскими рабочими. Но сидя в Нижнем, мне удалось оказать некоторое содействие организации пропаганды среди рабочих в самой Москве. Еще до моей высылки из Петербурга мы нередко говорили с Федором Афанасьевым о желательности перенесения работы в Москву и, в частности, о переезде его в Москву для поступления на какую-либо из ткацких фабрик и для установления связи с московскими рабочими.

После лета 1891 г., когда с провалом В. С. Голубева и у Федора Афанасьева в Питере почва стала стано-

видеться горячей под ногами, это было вдвойне целесообразно, так как отдаляло вероятность его провала. К тому же и Бруснев в эту весну окончил технологический институт и подумывал также об отъезде из Петербурга по конспиративным соображениям. Надо дополнить еще, что после моей высылки из Питера там произошло важное событие, а именно: первая маевка петербургских рабочих—празднование 1 мая. Это важное событие, весть о котором прокатилась потом по всей России, делало желательным для более старых и сомпрометированных работников перемену места работы.

После высылки из Петербурга, по дороге в Нижний, я заехал в Москву к студенту университета П. М. Кашинскому. Кашинский был уже известен мне как довольно образованный и склонявшийся к марксизму студент. Он обладал небольшими личными средствами, в противоположность всем нам, перебивавшимся уроками, чертежами и, в исключительных случаях, стипендиями. Кашинский был знаком с «Капиталом» Маркса, статьями Энгельса и, кажется, более или менее правильно получал заграничные издания того времени. Я изложил Кашинскому наш план и уговорил его дать средства на переезд Федора Афанасьева в Москву и на то время, пока ему не удастся найти работу на фабрике. Сколько помнится, величина этого подспорья, вполне устраивающего Федора, определялась от 8 до 10 р. ежемесячно. Было условлено, что к осени, когда студенты соберутся в Москву, Кашинский организует интеллигентскую руководящую группу, а тем временем Федор Афанасьев завяжет связи в рабочей среде, и таким образом вся организация будет уже пущена в ход.

Часть лета Кашинский провел у меня в Нижнем, и мы разработали с ним этот план.

К осени М. И. Бруснев, окончивший курс в институте, случайно получил место инженера мастерских Брестской

ж. д. в Москве, и таким образом у нас явилась полная уверенность в правильной постановке всего дела. Лично я, проживая в Нижнем, не мог принять непосредственного участия в московской работе, но, поддерживая связи с Брусневым и Кашинским, между прочим, через Л. В. Миловидову, впоследствии мою жену, я знал, что работа в Москве развивается довольно ходко; были привлечены десятки интеллигентов, вполне подготовленных для пропаганды, и Федору Афанасьеву удалось завести довольно широкие связи в рабочих кругах.

Сам я надеялся летом 1892 года покончить с солдатчиной и получить разрешение на въезд в Петербург. Расчетам этим однако не суждено было исполниться.

Рано утром 6 мая 1892 г. мы с братом были разбужены неожиданным визитом жандармов, которые пред'явили ордер местного жандармского генерала Познанского и, после основательного обыска нашей комнаты, увезли меня в одну из башен Нижегородского тюремного замка¹. Никакого допроса и обвинения не было пред'явлено, и, просидев в башне дней пять, я был отправлен с двумя жандармами в Москву. Будучи привезен с Нижегородского вокзала в жандармское управление, помещающееся тогда где-то в Георгиевском переулке, я предстал пред лицом маленького жандармского полковника Иванова. Последний, приняв рапорт нижегородских жандармов, отпустил их и немедленно учинил мне допрос. Вопросы касались Бруснева, Кашинского и др., а также моей мнимой поездки в Москву, очень интересовавшей жандарма. Поводом для настойчивых расспросов о моей поездке в Москву было то обстоятель-

¹ У меня при обыске была найдена фотографическая карточка М. Н. Бруснева с несколько рискованной по тем временам надписью: „Оглянемся на Запад и встретимся на Востоке“. И, действительно мы встретились летом 1897 года близ Иркутска, на Усольском тракте, по которому Бруснева с партией смельчаков гнали в Верхоявск.

ство, что в записной книжке Бруснева, отобранной у него при обыске, был найден петербургский адрес моей невесты Л. В. Миловидовой, записанный моей рукой. В действительности не я ездил в Москву, а однажды Бруснев приезжал ко мне из Москвы в Нижний, и я имел неосторожность собственноручно записать адрес в его книжку. Не желая давать вообще никаких показаний, которые могли бы помочь жандармам разобраться в деле, я, разумеется, умолчал о моем свидании с Брусневым и вообще отрицал какую-либо свою осведомленность о работе Бруснева и других товарищей в Москве.

После допроса, в сопровождении уже московского жандарма, на извозчике с поднятым верхом, меня отправили в Таганскую тюрьму. Здесь я и водворился в верхнем этаже, в камере № 505, с великолепным видом на всю Москву с ее Кремлем в центре. Много месяцев смотрел я из окна этой камеры на силуэты московских церквей и на вырезные башни и соборы Кремля, и как ни смелы были мысли и планы двадцатилетнего марксиста, но и во сне не снилось, что мне удастся дожить до такого времени, когда на этих шпицах будет развеваться красное знамя, а в кремлевском дворце заседать конгресс Коммунистического интернационала.

Таганская тюрьма была в то время одной из образцовых однопочек, и вообще режим в тюрьмах при Александре III отличался большой строгостью. Чисто выбеленные стены, пол, натертый графитом до зеркального блеска, опрятно одетая стража, полная тишина в коридорах и на узеньких парадетах, окружавших каждый этаж, прерываемая лишь изредка хлопаньем небольших окошек в дверях, произвели на меня поначалу сильное впечатление. «Вот она, — думалось, — эта ужасная одиночка, в которой придется провести неопределенно долгое время». Однако уже после первых же дней я вполне вошел в колею тюремной жизни. Тут громадную службу

сослужили ранее читанные книги, в роде Кеннана¹ или истории революции Туна, из которых я уже знал, что представляет собой политическая тюрьма, каковы методы и приемы жандармского и прокурорского допроса, и т. д. Из слов полковника Иванова, при окончании допроса не скрывшего своего недовольства моими скудными объяснениями, я заключил, что сидеть, вероятно, придется довольно долго, и поэтому начал устраниваться в своей камере на длительное пребывание.

Прежде всего я заботливо изучил самую камеру, тюремные порядки и вообще весь доступный мне видимый мир, включая и ту часть тюремного двора, которую мне было видно, если влезть на стол, используя те минуты, когда надзиратель отходил от «глазка». Первые недели я не получал никаких известий с воли, не имел ни денег, ни передач, ни книг. Износив свое платье, мне пришлось облачиться в арестантское белье, и несколько дней я привыкал к грубому, напоминавшему рогожу холсту. Эти первые недели были, несомненно, самыми тяжелыми за все время.

Однако я довольно скоро нашел средство воостанавливать душевное равновесие, когда оно начинало колебаться. Работа или вообще какое-нибудь упорное занятие оказались этим действительным средством. Не имея ни книг, ни бумаги, я занимался математическими задачами, используя найденный гвоздь и штукатурку стен. Из мякиша хлеба приготовил себе нечто в роде кеглей и из этого же материала сделал шахматы. Прделал и некоторый биологический опыт, посадив в свободный чайник пойманного клопа и наблюдая в течение месяцев, как он в процессе голодания превратился почти в прозрачную пластинку. Это — занятия, так сказать, теоретические, или кабинетные.

---

¹ Джордж Кеннан — американский путешественник и публицист, выпустивший книгу о сибирской ссылке: „Сибирь и ссылка“, запрещенную царской Россией.

Одновременно не забывал я и физической культуры. Средством для этого был главным образом тяжелый табурет, имевшийся в камере, с которым можно было проделывать достаточное число гимнастических упражнений. Хорошей гимнастикой и вообще способом рассеять дурное настроение была чистка посуды. Посуда в камере была из красной меди, луженая и с течением времени приходила в довольно неказистый вид. Я брал мелко истертый кирпичный порошок и кусок сукна, и проработав усердно около часа, добивался того, что таз, кувшин для воды, небольшая миска для супа и стакан для кипятку торели, как будто были сделаны из червоного золота. Настроение после такой работы неизменно и прочно улучшалось.

Вытирание окон также было правильным моим занятием и, как вскоре оказалось, далеко не бесполезным и в других отношениях. Вытирая усердно окно, я однажды заметил пролетку с поднятым верхом, приближавшуюся по переулку к воротам тюрьмы. Из-за кафтана извозчика выглянуло синее с красным кантом колено одного из седоков, и я понял, что везут арестанта. Пролетка в'ехала во двор тюрьмы, и, прильнув к стеклу, я увидел вслед за вышедшим из пролетки бравым жандармом какого-то студента, привезенного, очевидно, с допроса. Впоследствии я приучился слышать дребезжание пролетки, которая проезжала саженей за 50 от ворот тюрьмы, и мне удавалось видеть — правда, каждый раз в течение лишь нескольких секунд — некоторых из товарищей, привлеченных по делу Бруснева, в том числе самого Бруснева и Федора Афанасьева.

Через месяц сидения разрешили наконец переписку, и я был на вершине блаженства, получив первые письма от Л. В. Миловидовой и от моего брата Германа, которого в Нижнем оставили на свободе. Вскоре разрешили и книги, и тут мое сидение превратилось уже в сплошной

университет, и я только одного желал, чтобы меня меньше беспокоили с допросами. По счастью, это, очевидно, совпадало и с желаниями самого жандармского полковника Иванова, так как за все одиннадцать месяцев сидения меня вызывали к допросу едва ли больше четырех раз.

Книги удавалось иметь в достаточном количестве; помимо основательного изучения немецкого языка, мне удалось прогугудировать в Таганке целый ряд книг по философии, естествознанию и истории, за исключением экономической литературы, которая почему-то не допущалась.

Свидание за все время я имел только одно — с братом Германом, при проезде его из Нижнего в Петербург; по окончании солдатчины он получил разрешение поступить обратно в Технологический институт. Через двойную сетку в комнате, или, вернее, клетку для свиданий, я увидел его заторевшим и возмужавшим, одетым в офицерскую форму прапорщика пехоты.

В общем об этом таганском сидении я вспоминаю и до сих пор с удовольствием; несомненно, этот многомесячный досуг сильно помог мне разобраться во многом, привести в порядок свои мысли и знания и познакомиться со многими сочинениями, которых в обыденной сутолоке жизни я никогда не успел бы прочесть. На людей нервных одиночка действовала плохо, но сам я, следя очень внимательно за собой, при малейшем понижении настроения прибегал к испытанным средствам — гимнастике и работе — и быстро прогонял дурное настроение, почти все время употребляя с пользой.

В двадцатых числах марта, после почти 11 месяцев полного одиночного заключения, в мою камеру вошел старший надзиратель и сказал мне: «Собираться совсем». На мой вопрос он не мог мне сообщить ничего, сказав только, что из жандармского управления меня затребовали со всем моим имуществом

В конторе тюрьмы мне возвратили отобранные при водворении в камеру вещи и остаток моего «текущего счета» в тюремной кассе. Затем обычным порядком, с тем же бравым жандармом, который обычно возил меня на допросы, наша пролетка поплелась на другой конец Москвы, перемешивая высокий, только что выпавший и продолжавший валить мокрыми хлопьями весенний снег. В жандармском управлении жандарм оставил меня одного в кухне подвального этажа, а сам пошел куда-то наверх с докладом. Уже это показалось мне хорошим признаком. Действительно, через несколько минут другой вестовой пригласил меня наверх в довольно приличную приемную и оставил там опять-таки одного. Через некоторое время явился ротмистр и сообщил, что меня решено выпустить на поруки, в полк. Надо сказать, что во время моего сидения приказом командующего войсками Московского округа я был переведен из нижегородского отдела Ярославской инженерной дистанции в 12-й пехотный Великолуцкий полк. Этот полк стоял тогда в Туле и славился особо строгой дисциплиной, в частности, по отношению к вольноопределяющимся. Через некоторое время меня попросили наверх к полковнику Иванову, который, более для проформы, спросил меня, не имею ли я еще чего-либо дополнить к прежним показаниям. После моего отрицательного ответа он передал меня жандарму для передачи вместе с вещами в Управление московского уездного воинского начальника для отправки по месту службы, в Тулу.

Опять мы поехали в пролетке куда-то в Лефортово, где меня «с пакетом» сдали в распоряжение плохо выбритого старика с полковничьими погонами. Тот сейчас же вызвал какого-то унтера и отрекомендовал его мне в качестве «дядьки», с которым в ту же ночь я должен был отправиться в Тулу. В Туле я дослужил полагавшиеся мне месяцы военной службы и очень обрадовался полу-

ченному мною предложению поехать на южный берег Крыма, так как здоровье мое распаталось.

Пробывание в Крыму было хорошим отдыхом; я исходил пешком весь южный берег Крыма, от Симеиза до Алушты, покончил со вторым томом «Капитала» и к немецкому языку (основательно изученному в тюрьме) прибавил знакомство с французским благодаря помощи некоторых друзей.

В августе 1894 года мне предложили срочно уехать из Крыма в виду ожидавшегося приезда туда царя Александра III, который несколькими месяцами позднее, в октябре того же года, благополучно «в бозе почил» в Мивадии. Я был рад тому, что период вынужденного безделья окончился, и уехал из Крыма в село Калач, Воронежской губ., где мне было разрешено поступить сначала рабочим, а затем и десятником на постройку Харьково-Балашовской железной дороги. Место это мне предложил А. Н. Тверитинов, очень интересный, хотя и чудаковатый, пожилой уже человек, приятель П. Л. Лаврова¹. Он лично знал многих народовольцев и сохранил до конца своих дней непримиримую ненависть к царизму, хотя сам уже и не принимал большого участия в революционном движении. Служба моя, впрочем, была непродолжительна. Вместе с Тверитиновым мы начали выводить на свежую воду какого-то инженера, нашего начальника, изобличив его в неправильном выборе места для станции Калач, которую он хотел поставить поближе к амбарам местного крушного хлебного

¹ П. Л. Лавров — ученый и публицист, пользовавшийся большим влиянием среди молодежи 70-х и 80-х годов прошлого столетия. В своей известной книге «Исторические письма» доказывал, что прогресс человеческого общества покупается ценой страдания народных масс, но в то же время утверждал, что движущей силой истории является интеллигенция. Его взгляды на роль личности в истории были впоследствии жестоко разбиты Плехановым, Лениным и другими марксистами.

кулака. Наши же нивелиры и теодолиты¹ указали для этой станции более выгодное и для дороги и для населения место. Тверитинов был чрезвычайно склонен к такого рода разоблачениям и не без юмора объяснял это прирожденной строптивостью на почве наследственности: по семейному преданию, у одного из его предков, боярина Тверитинова, Петр Великий велел выщипать бороду по волоску за строптивость и неповиновение.

В декабре высшее воронежское железнодорожное начальство постановило уволить с дороги и меня и Тверитинова. Последний как инженер апеллировал в суд и впоследствии даже получил удовлетворение; мне же, как бесправному подследственному студенту, оставалось только переехать в Воронеж и приступить к поискам уроков. Искал я их недолго, так как в ночь с 31 декабря на 1 января 1895 года ко мне пожаловал местный околоточный надзиратель и объявил мне высочайшее повеление: «Унтер-офицера из вольноопределяющихся Леонида Красина исключить из числа запасных нижних чинов армии и после трехмесячного тюремного заключения выслать административно на три года под гласный надзор полиции в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии». Такова была моя доля в общем приговоре по делу Бруснева. Приговор был утвержден Николаем II в декабре 1894 года — первый приговор по политическому процессу, подписанный новым царем в первые месяцы царствования, когда российские либералы еще возлагали на него какие-то надежды. Приговор этот достаточно характеризует зверскую жестокость Николая II по отношению ко всему, что касалось каких-либо революционных выступлений.

М. И. Бруснев был приговорен в административном порядке к одиночному заключению в Крестах на четыре

---

¹ Приборы, служащие для измерения земной поверхности.

года, с высылкой затем на десять лет в Верхоянск, Якутской области. За разными манифестами пребывание его в Верхоянске было немного сокращено, и он возвратился в Россию только в половине 1904 года. Таким образом царское правительство отняло у этого человека, правда, не 14, но все-таки 12 полных лет жизни. М. И. Бруснев вынес необыкновенно тяжелое заключение в Крестах и крайние лишения ссылки в самом холодном месте земного шара, но к политической работе он уже не возвращался.

Более трагической была судьба другого видного героя тогдашних рабочих организаций — Федора Афанасьева. По нашему делу он получил относительно умеренный приговор, а именно — тюремное заключение на один год с отдачей по отбытии его под гласный надзор полиции. Федор Афанасьев не прекращал своей революционной работы вплоть до революции 1905 года и погиб мученической смертью в Иваново-Вознесенске, убитый черносотенцами.

Кстати, необходимо упомянуть, что начатая нами в Питере работа, несмотря на провалы, высылку и отъезд некоторых работников, не прекратилась, а, наоборот, расширилась и выросла. В Технологическом институте работу продолжал безвременно погибший Степан Иванович Радченко. Последующая группа технологов социал-демократов имела в своей среде Г. Б. Красина, Г. М. Кракижановского и др.

В 1894 г. к работе этих кружков присоединился и Владимир Ильич Ульянов (Ленин), создавший в 1895 году знаменитый «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в работе которого приняли близкое участие и наши технологи.

Чисто пропатандистский период доисторического развития нашей партии закончился, и новая организация самым ходом вещей должна была уделять все большее

и большее внимание агитационной и организационной стороне работы, закладывая прочный фундамент будущего партийного здания.

Возвращаясь к своему воронежскому житью-бытью. Получив приговор и забрав свои убогие студенческие пожитки, с подушкой подмышкой, я сел вместе с околоточным в извозничьи сани и ночью же отправился в воронежский тюремный замок. Там и водворился в необыкновенно просторной камере, с парами человек на 500.

Девяностодневное сиденье по приговору было настоящей безделицей по сравнению с годом предварительного строгого одиночного заключения. Приятели достали мне для перевода книжку проф. Шульца-Геверница «Крупное производство» и я перевел ее на русский язык. Она появилась в печати с предисловием Петра Струве¹, который тогда был еще «маркситом». В воронежской же тюрьме я впервые прочел книгу Бельтова² «К вопросу о монистическом взгляде на историю», и я до сих пор помню, с каким диким восторгом катался я по нарам, читая это произведение. Мой задор и марксистский пыл окончательно утвердились с того момента, и завоевание всего мира для дела марксизма представлялось мне в моей камере сущим пустяком. Три месяца сидения были использованы моими родными, чтобы выхлопотать мне разрешение вместо назначенного Ярепского уезда, Вологодской губернии, поехать на свой счет в Восточную Сибирь, где тогда жили мои отец и мать.

---

¹ Петр Струве — бывший в 90-х годах социал-демократом, один из представителей „легального марксизма“. Вскоре отошел от марксизма, стал одним из организаторов либерально-буржуазного „союза освобождения“, из которого выросла кадетская партия.

В дальнейшем он докатился до махрового монархизма; после Октябрьской революции участвовал в правительстве Деникина. Ярый враг СССР.

² Г. В. Плеханова.

Разрешение было дано, и в мае месяце 1895 года я проделал путь Воронеж—Москва—Омск—Иркутск, проехав свыше 2 400 километров на перекладных по Барабинской степи и Великому сибирскому тракту. Таких поездок теперь уж никто не делает — выстроилась Сибирская железная дорога.

В Иркутске я был первым социал-демократом среди почти сотни оссыльных народовольцев и народников. Наши теоретические споры по самому жгучему вопросу тогдашней русской современности — быть или не быть капитализму в России — доходили до величайшей страстности, но это не мешало всей осылке относиться ко мне, как к младшему брату, и личные дружеские отношения из этой эпохи сохранились у меня на всю жизнь.

Дальше политических споров и рефератов по вопросам марксизма дело не шло, и ни о какой практической работе среди местного пролетариата в Иркутске тогда помышлять было нельзя, за полным почти отсутствием больших промышленных предприятий. Работал я в качестве техника на Среднесибирской, Забайкальской и Кругобайкальской железных дорогах. И хотя я не имел диплома, в последние годы уже исполнял инженерную работу. Служба на железной дороге, помимо более чем достаточного заработка, повела и к сокращению срока моей осылки, и уже в декабре 1897 года я получил разрешение на въезд в Европейскую Россию и на поступление, правда, не в Петербургский, а в Харьковский технологический институт для окончания высшего образования. Тогдашний министр Делянов поставил, впрочем, условием личное согласие директора Харьковского института на мой прием.

Разрешение мною было получено и я поступил в Харьковский институт, но учение мое там было довольно оригинальным.

В действительности я почти все время проводил на различных железнодорожных работах; был на изысканиях железной дороги Петербург — Вятка и ухитрился даже съездить опять в Сибирь на изыскания Кругобайкальской железной дороги, где был несколько месяцев начальником дистанции Мысовая — Мишиха, на берегу Байкала. В Харьков я являлся только на короткое время, чтобы сдать очередные зачеты и экзамены. Студенческая жизнь тем временем шла своим путем, и студенческие забастовки и другие волнения повторялись по несколько раз в год. Попадая в такие периоды в Харьков, я конечно не отставал от общего движения, вследствие чего и был увольняем из института за это время не то два, не то три раза. Логическим последствием этих увольнений должно было явиться полицейское запрещение проживания в Харькове. В действительности этого не происходило, ибо, как оказалось впоследствии, новый директор института, профессор Д. С. Зарнов, при каждом таком моем «увольнении» из института запирал мои бумаги в своем письменном столе, ничего не сообщая полиции. При ближайшей амнистии я опять превращался в студента, находясь во время этих превращений то на берегах Унжи или Неи, то на берегах Байкала, а иногда и не зная о них.

К 1900 году я сдал все экзамены, но выдача диплома мне, как и другим сверстникам, в наказание за какую-то очередную забастовку, была отложена на один год. В это как раз время Р. Э. Классон, мой товарищ по Петербургскому институту, участвовавший одно время и в кружке В. И. Ленина, а ныне¹ являющийся одним из крупнейших и старейших русских электротехников, пригласил меня в Баку заведывать строительными рабо-

---

¹ Инженер Р. Э. Классон умер 11/II—26 г. Статья написана в 1924 г.

тами основанного тогда акционерного общества «Электро-сила».

В июне 1900 года я прибыл в Баку и поселился в маленьком фахверковом балагане на самой оконечности Баилова мыса. Я до сих пор с величайшим удовлетворением вспоминаю о четырех годах интенсивной работы в Баку. Мы сбросили в море добрую половину Байловской горы, увеличили площадь станционного участка, кажется, на два гектара, отвоевав их у моря, и воздвигли на этом месте грандиозное здание центральной электрической станции, три жилых дома, водокачку и всякие службы. Работа велась с американской быстротой, участок кишел рабочими и людьми всякого звания. Говорили на участке одновременно, кажется, на 12 или 15 языках. потому, что, кроме немцев, датчан, англичан и других европейских рабочих и инженеров, работали также персы, татары, армяне, лезгины, осетины, абхазцы, грузины и другие местные жители. Основной целью предприятия была передача электрической энергии на промысла и применение ее для бурения и тартания нефти. При скептически-враждебном отношении со стороны старых «паровых» техников, предсказывавших неудачу новому электрическому методу, мы, подюжины молодых инженеров, вели пионерскую работу обследования процессов бурения и нефтедобычи и параллельно со строительными и монтажными работами закладывали основы научной электрификации нефтяной промышленности. Сейчас ни для кого из техников не составляет вопроса то, что электрическая система передачи энергии наиболее соответствует требованиям рациональной постановки всего нефтяного дела, но в те времена коммерческая, да и техническая возможности применения электричества к нефтяному делу стояли еще под знаком вопроса.

Не менее интенсивной была работа и в другой обла-

сти, а именно, подпольная социал-демократическая работа как в самом Баку, так и вообще на Кавказе — в Тифлисе, Кутаисе, Батуме, куда я периодически выезжал для связи с тамошними организациями.

Это было время, когда за границей создавалась организация «Искры» и выявлялись впервые разногласия между большевистским и меньшевистским крылом тогда еще единой с.-д. партии.

Среди социал-демократов, работавших тогда в Баку, я назову Н. П. Козеренко, Л. Е. Гальперина (по кличке «Коняга»), т. Кнуньянца (кличка «Рубен», безвременно умерший), т. Ладонкецховели (гениального организатора подпольных типографий), С. А. Аллилуева, В. А. Шелгунова, Семена Енукидзе, Авеля Енукидзе (ныне секретаря союзного ЦИКа) и др.

В скором времени чуть ли не все наличное ядро бакинской с.-д. организации очутилось на моей электрической станции в тех или иных служебных ролях: Козеренко — бухгалтером, Гальперин — статистиком, Авель Енукидзе — чертежником, В. А. Шелгунов и С. А. Аллилуев — монтерами и т. д. Электрическая станция, да еще строящаяся, была чрезвычайно удобной базой для помещения в ней всякого рода людей, вплоть до нелегальных. Легко было использовать паспортные возможности, а также организовать хранение литературы, шрифта и т. п. Наиболее ответственные потайные склады были устроены даже так, что в случае обыска можно было зажечь одну-две нефтяных форсунки — и соответственный тайник становился абсолютно недоступным. Два-три раза жандармы пробовали производить обыски на электрической станции, но, безнадежно махнув рукой, должны были оставить в покое эту техническую цитадель, в виду полной невозможности там что-либо сделать.

В городе Баку и на промыслах велась среди рабочих довольно интенсивная пропаганда и агитация. нашед-

шая себе потом выражение в знаменитой бакинской стачке!

Быть может, еще более примечательной была работа по организации знаменитых бакинских подпольных типографий, в которых мы печатали не только очередные циркуляры и прокламации Центрального комитета, но и регулярно самую «Искру».

Так как работа по большевистской партийной технике представляет собой особенно большой интерес, я на этой стороне нашей подпольной работы останавлиюсь несколько подробнее.

II съезд РСДРП фактически был первым съездом, на котором завершился процесс образования партии и началась история большевизма. Этот съезд установил определенные организационные принципы. В прениях, возникших вокруг вопроса о § 1 устава партии, вполне определенно выяснились различия во взглядах меньшевиков, отстаивающих по существу мелкобуржуазную точку зрения либерального партийного устава, и большевиков, которые, тезисами Ленина, заложили действительный фундамент дисциплинированной революционно-пролетарской партии как боевого орудия рабочего класса в борьбе за его освобождение.

Наша задача здесь состоит в том, чтобы указать на другую область партийной работы, ставшую благодаря этому съезду не менее важным фактором в деле строительства и дальнейшего развития партии. Мы имеем в виду значение II съезда в деле создания на практике централизованного технического аппарата, усталовления службы связи, организация партийных финансов, организации техники типографской и техники транспорта (переправка людей из-за границы и обратно, перевозка и распространение литературы). С появлением центра, созданного заграничным съездом, и с кооптацией этим центром ряда партийных работников, действовавших в

самой России, создавалась впервые постоянная связь между Женевой и теми главнейшими промышленными центрами России, в которых велась практическая социал-демократическая работа. При существовании партии в подполье нельзя было пользоваться легальными методами сношений. Приходилось устанавливать сложную систему адресов, явок, паролей, организовать в российских центрах явочные пункты. Партия после II съезда впервые поставила себе задачу — систематизировать все методы связи, и в короткое время возник специальный аппарат по осуществлению этой связи, с применением иногда довольно совершенных по тем временам технических приемов.

Я припоминаю, с каким чувством в темной фотографической комнате «Электрической силы», в Баку, я проявлял в 1903 году первый манифест избранного на втором съезде Центрального комитета; он был мне прислан в Баку на фотографической светочувствительной пленке. Этот способ был выбран, чтобы при случайном провале письма содержимое его каким образом не могло сделаться известным жандармам. Проявленная пленка послужила для нашей типографии тем первым оригиналом, с которого был сделан набор, и через несколько дней десятки тысяч экземпляров этого манифеста уже перевозились в разные части страны нашим транспортным органом.

Кажется, Наполеону принадлежит изречение: «Деньги — нерв войны». Но и революционную работу нельзя было вести без денег, и поэтому организация финансов партии встала перед нами одной из настоятельнейших задач немедленно после II съезда. Мне в качестве члена ЦК пришлось довольно близко стоять к этому делу, и каких только способов мы ни применяли, чтобы сколотить те в буквальном смысле гроши, на которые строились партийная организация и техника в первые годы

их существования! Конечно все участники партийных кружков и организаций облагались определенным сбором, но, к сожалению, эти сборы почти никогда не доходили до центральной коллегии и расходовались либо на местные нужды организаций, либо направлялись непосредственно за границу в «Искру» как поддержка газеты или на брошюрную литературу. Приходилось изыскивать другие средства. Одним из главных источников было обложение всех других оппозиционных элементов русского общества, и в этом деле мы достигли значительной виртуозности.

Значительные суммы были получены нашей партией через М. Горького, который давал и свои деньги и привлекал разных состоятельных людей к делу помощи партии. Между прочим, через посредство М. Горького была установлена впервые связь между нашей бакинской техникой, нуждавшейся в средствах, и А. Д. Цюриной, управляющим тогда в Уфимской губернии имениями Кугушова и поддерживавшим нас с этого момента систематической присылкой денег. Довольно много денег собиралось также всякого рода предприятиями, вплоть до спектаклей, вечеров и концертов.

Бывали и весьма трогательные случаи. Так, однажды к нам в Питер явилась молодая девушка и заявила о сочувствии партии и желании передать в собственность партии доставляемая ей по наследству небольшое имение где-то на юге России. В виду несовершеннолетия жертвовательницы пришлось прибегнуть к несколько сложной комбинации, а именно — предварительной выдаче ее замуж и продаже имущества уже с разрешения мужа. Для разочарования тех из наших врагов, которые при чтении этих строк готовы будут поставить в упрек нашей партии ограбление несовершеннолетних девиц, могу добавить, что жертвовательница эта — Федосья Петровна

Кассесянова¹ — и посейчас состоит в рядах нашей партии. Муж ее, к сожалению, погиб, сражаясь за республику, на сибирском фронте.

Деньги нам нужны были главным образом для поддержания типографской техники и транспорта. Жили партийные работники обывковенно на свои собственные средства, перебиваясь случайными занятиями, уроками и. и поддержкой родственников и знакомых.

Лишь значительно позднее, уже после 1905 года, было постановлено некоторую небольшую часть партийных работников систематически поддерживать из партийной кассы. Но даже и в это позднейшее время речь шла о выдачах в 25—30 рублей в месяц. Приходилось давать деньги лишь на более или менее серьезные поездки, в особенности — связанные с нелегальным переходом границы, уплатой контрабандистам и т. д.

Перевозка литературы и ее хранение стоили изрядных денег: приходилось не только оплачивать фрахт, но и снимать склады, помещения, заводить подставные предприятия.

Но наибольшие расходы шли на типографский технический аппарат, на закупку и оборудование типографий, приобретение бумаги, разнообразного шрифта и содержание наборщиков и печатников.

Наиболее сильной типографской техникой обладали наши бакинские типографии. Бакинская типография была задумана в 1901 году безвременно скончавшимся грузинским нашим товарищем Ладо Кецохели. Некоторые средства мы уже тогда могли предоставить в его распоряжение; но не было никакой возможности купить типографскую машину и систематически покупать бумагу, краску, шрифт и т. д., не имея губернаторского свидетельства на право открытия типографии.

---

¹ См. воспоминания Кассесяновой „Фиктивный брак“ в сборнике Истпарта „Л. В. Красин“, Госиздат, 1928 г.

Тов. Ладо очень просто выпшел из этого затруднения. Он составил на свое имя удостоверение от имени елисаветопольского губернатора на право открытия типографии, переписал это удостоверение на полученном заранее бланке с губернаторским титулом и затем сам подписал этот документ за губернатора. Когда мы начали сомневаться в возможности что-либо сделать по этому бесспорно подложному документу, он и тут вышел из затруднения и через несколько дней, торжествуя, показывал нам бумагу с печатями и заверениями нотариуса. Он попросту снял копию с подложного удостоверения и, засвидетельствовавши эту копию у бакинского нотариуса, получил таким образом документ, на котором не было уже ни одной подложной подписи.

С этим документом Ладо благополучно приобрел необходимую машину и материалы, и подпольная техникя РСДРП начала свою работу в Баку и не прекращала ее вплоть до 1905 года, когда наша бакинская типография по случаю революции перешла на легальное положение и довольно торжественно вместе со значительной частью самих работников была водворена в Питер.

Следующим руководителем бакинской техникя был Трифон Теймуразович Енукидзе (кличка «Семен»), ныне руководитель нашей государственной фабрики денежных знаков. «Семен»-Енукидзе значительно расширил наследство, оставленное ему тов. Ладо.

Вся работа была построена по принципу строжайшей конспирации, с применением своеобразных технических методов, едва ли более где-либо и кем-либо применявшихся. Для привоза бумаги и выноса готовых изделий «Семен» весьма искусно использовал некоторую замкнутость, в которой жило татарское население Баку, но особенно дружелюбно относившееся к полиции, разместив типографию в татарском квартале. Типография, хотя и расширенная, но оборудованная все еще подержанными

машинами, не удовлетворяла «Семена». Он выдвинул план приобретения новой быстроходной печатной машины Аутсбургского завода. Со свойственным ему упорством он не отставал от меня и Н. П. Козеренко, старого социал-демократа, входившего тогда в нашу бакинскую организацию, до тех пор, пока мы не сколотили нужную сумму, что-то около двух или трех тысяч рублей, и не выписали из-за границы эту машину.

Для установки ее было решено найти новое помещение и обставить все дело так, чтобы уже ни при каких условиях не опасаться провала. Помещение, где была установлена и работала эта машина, было отделено от дома, в котором жили наборщики и печатники, особым подземным ходом, закрывавшимся массивной бетонной, опускавшейся в подполье дверью-западной, которую никоим образом нельзя было найти, не зная секрета. Само печатное помещение освещалось спиртокалильной лампой и со всех сторон было закрыто. Помещалось оно внутри довольно обширной постройки, заключавшей в себе на соседнем владении экипажные сараи, конюшни и амбары для овса, ячменя и фуража.

Только произведя самый точный наружный обмер соседнего здания и измерив все внутренние камеры и помещения, можно было бы, нанеся все это на план, увидеть, что в середине остается какое-то пустое место, к которому нет доступа из других частей помещения. В этом-то месте и помещалось печатное отделение нашей типографии, связанное потайным ходом с другим домом на соседнем участке, в котором жили А. С. Енукидзе и другие товарищи.

Образованность бакинской полиции и жандармов была, разумеется, недостаточна, чтобы открыть такую типографию. Даже в случае провала всего персонала во главе с А. С. Енукидзе типография сама по себе не погибла бы; для ее восстановления нужно было бы

только вновь арендовать тот дом, в котором жил А. С. Енукидзе и из которого потайной ход вел внутрь здания конюшен и амбаров. Это же последнее здание принадлежало татарину-извозчику, приятелю «Семена», который ни в коем случае не выдал бы типографию. Проживающие в доме печатники и наборщики подвергались строжайшей дисциплине и не имели права вообще выходить из дома. Через определенный срок каждый из них получал отпуск, но его не разрешалось проводить в Баку. Получивший отпуск товарищ обязан был к вечернему поезду притти на вокзал и уехать в Тифлис, Кутаис или Батум, где и проводил отпуск. Внутри типотрафии, кроме «Семена» и меня, изредка посещавшего ее больше для целей технической консультации или экспертизы, никто абсолютно не допускался, и провал был абсолютно исключен. Входная дверь дома была всегда на запоре и открывалась не прежде, нежели все рабочие были на местах и дверь потайного хода приведена в такое положение, при котором, не зная секрета, ее нельзя было найти.

Упомяну еще вкратце о печатании в Баку «Искры».

Связью между нами и «Искрой» являлся Гальперин, партийная кличка «Коняга». Вся же наша баканская организация в Женеве у Надежды Константиновны Ульяновой-Крупской была зарегистрирована под именем «лошадей». Когда от «лошадей» получилось в Женеве известие, что они довели свою технику до высоты, позволяющей полностью печатать номера «Искры», решено было организовать посылку в Баку матриц, т. е. картонных оттисков с набора, которые по заливании их типографским металлом могли дать клише целой страницы, голшой для печатания. Мы условились с «Конягой», что эти клише будут приходить в Баку на мое имя внутри обложки каких-либо технических или научных атласов с чертежами или рисунками соответствен-

ного содержания, с тем, чтобы не вызвать подозрения на таможне. В одно прекрасное утро я, бывший тогда строителем электрической станции в Баку на Байловом мысу, получил повестку от таможни о прибытии на мое имя заграничной посылки. Отправляюсь в таможню, и — о ужас! — мне передают грубейшим образом переплетенный атлас с обложками, толщиной в добрый палец, заполненный внутри какими-то лубочными изображениями тигров, змей и всякого рода зверей, не имеющих ни малейшего отношения к какой-либо технике или науке.

Без сомнения, господь бог протезировал нам в этом техническом предприятии, а сонные бакинские таможенные чиновники были его союзниками в этом деле. В женевских архивах, вероятно, можно будет найти наши ругательные письма заграничному центру по поводу такой халатности, которая могла окончиться большим провалом. К счастью, этого не случилось, и принятыми затем мерами удалось поставить пересылку матриц и даже тонкой бумаги для «Искры», которую нельзя было достать в России.

В Баку я пробыл до 1904 года, когда жестокая малярия, схваченная мною где-то на Кавказе, заставила меня расстаться с Закавказьем и переехать в Орехово-Зуево под Москвой на фабрику Саввы Морозова в качестве строителя и заведующего центральной электрической станцией.

Работа моя в Орехово-Зуеве продолжалась менее года и была прервана неблагоприятной случайностью, весьма, впрочем, обычной для того времени.

В феврале 1905 года в Москве происходила очередная сессия Центрального комитета нашей партии, в которой я в качестве члена ЦК также принимал участие. Собрания происходили по разным квартирам два раза в день — утром и вечером.

После одного из утренних собраний я поехал в Орехово, чтобы посмотреть, что делается на моей электрической станции, а к вечеру вернулся в Москву и на извозчике поехал куда-то на Ямскую улицу, где в квартире писателя Леонида Андреева должно было состояться собрание ЦК. Подъезжая к дому, я обратил внимание на несколько необычайный пейзаж улицы и, в частности, на несколько несомненных шпижов около дома Андреева и какое-то необычайное движение людей, которое можно было заметить через незавешенные окна освещенного внутри одноэтажного дома. Я проехал мимо дома два-три квартала и, отпустив извозчика, прошел пешком по улице в обратном направлении, решив в результате своих наблюдений, не заходить в квартиру.

Действительно, наутро оказалось, что весь ЦК был арестован вместе с Андреевым и перевезен в Таганку. Имея все основания опасаться ареста и будучи одним из трех не провалившихся членов ЦК, я должен был немедленно перейти на нелегальное положение и поехать в Смоленск, а затем Одессу и другие южные города, чтобы восстановить работу ЦК. Нужно было принять определенное решение в связи с поднятым большевиками и организованной ими газетой «Вперед»¹ вопросом о созыве партийного съезда.

После объезда юга России, примерно в апреле 1905 года, я вернулся в Москву и Петербург, а затем нелегально же выехал в Желеву и в мае 1905 года принял участие в III съезде нашей партии в Лондоне, на котором было постановлено образование отдельной большевистской партии.

---

¹ Газета „Вперед“ выходила с декабря 1904 г. по май 1905 г. до III съезда партии. Она стала выходить в противовес „Искре“, которая вскоре после II съезда попала в руки меньшевиков. В редакцию газ. „Вперед“ входили Ленин, Луначарский, Ольминский и Воровский.

По окончании сезда, после кратковременного пребывания в Женеве, я одновременно с другими wybranными членами Центрального комитета выехал обратно в Россию. По приезде в Петербург и Москву из сношений с сидевшими в Таганке цекистами выяснилось, что провал у Андреева меня непосредственно не задел и, прописавшись из осторожности под своим именем сперва на нескольких подмосковных дачах, я снова перешел на легальное положение.

В конце лета 1905 года я устроился в Электрическом обществе в Петербурге в качестве инженера, заведующего кабельной сетью. Многие из товарищей, вероятно, еще помнят мой небольшой служебный кабинет на улице Гоголя, куда ко мне на явку приходили многие из старых большевиков, стоящих сейчас у кормила советского государства.

События развивались со сказочной быстротой, и таповское «кровавое воскресенье» оказалось предтечей всеобщей забастовки и революции, а в октябре 1905 года мы уже имели в Питере в своей среде Владимира Ильича, и наши газеты «Новая жизнь» и другие печатались легально в собственной типографии. В этой типографии (товарищество «Дело») на ряду с ротационной машиной была установлена и привезенная из нашей бакинской подпольной типографии «перешедшая на легальное положение» небольшая, но изящная машинка аугсбургского завода.

Веселое было время. Самая интенсивная работа по организации партии, создание технического аппарата, широчайшая пропаганда и агитация в массах на почве думской кампании, активная подготовка к вооруженному восстанию, целый ряд конспиративных предприятий и технических дел — все это заполняло целиком время. Вместе с тем надо было делать очередную ле-

гальную работу, прокладывая по улицам Петербурга десятки верст кабеля, перестроить электрическую сеть на высокое напряжение, строить трансформаторные подстанции, вести обширные заводские электрические установки.

В этот именно период в процессе живой практической работы был создан становой хребет нашей партии и заложены основы ее тактики на десятилетие вперед.

«Дарованные царем свободы» в результате революции 1905 г., как и следовало ожидать, оказались выкидышем, и сначала постепенно, а потом все быстрее и быстрее они стали уничтожаться царским правительством.

Соответственно этому и нашей партии пришлось все более и более уходить в подполье и возвращаться к прежним нелегальным методам работы. К 1907 году условия стали настолько трудны, что пришлось заставить Владимира Ильича и некоторых других товарищей вернуться опять за границу. Провал следовал за провалом, и 1 мая 1907 года провалился и я вместе с А. И. Рыковым и покойным И. А. Саммером (Любичем) в Москве при случайной облаве в квартире одного адвоката. Впрочем, после семнадцатидневного сидения мне удалось убедить жандармов, что я приезжал в Москву по служебным делам и лишь случайно очутился в квартире этого адвоката вместе с «Алексеем» (прозвище Рыкова) и Саммером. Работа в Петербурге после этого ареста стала для меня вдвое труднее, и пришлось удешевить конспирацию. Два-три обыска, сделанных в моей квартире и в моем служебном кабинете, не дали жандармам никаких доказательств, но показывали, что, вероятно, работать на свободе остается уже недолго. Действительно, в марте 1908 года жандармы нагрянули в Куоккале в дом, где жила моя жена с детьми и куда я приезжал по воскресеньям, и арестовали меня. Не

найдя ничего подозрительного, меня отправили в Выборгскую тюрьму.

Русские жандармы не имели обыкновения сообщать при арестах о поводах лишения свободы, но в данном случае полковник, производивший арест и обыск, не мог удержаться от некоторых намеков, показывавших, что дело довольно серьезное и может иметь плохой исход, допуская подведение под некоторые неприятные статьи. По существовавшему закону, российская прокуратура имела право в течение месяца предъявить обвинительный материал и потребовать от финляндских властей моей выдачи. Решено было этот срок использовать для побега и, уступая настояниям товарищей, я несколько дней прилежно занимался необходимой для сего подготовкой моей оконной решетки.

К сожалению, а вернее—к счастью для меня, все предприятие провалилось из-за несколько неудачной световой сигнализации между моей камерой и одной из высот выборгского парка, и меня из удобного для побега лазарета перевели в верхний этаж главного здания тюрьмы, соответственно усилив дозор. К большому нашему удивлению, жандармы и питерская прокуратура не смогли в месячный срок приготовить сколько-нибудь доказательного материала, а выборгский губернатор оказался достаточно законником, чтобы, не получив по прошествии этого срока мотивированного требования о моей выдаче, выпустить меня из тюрьмы.

Не желая далее искушать гражданскую и служебную доблесть финских чиновников, я безотлагательно и не совсем прямыми путями удалился в Гельсингфорс, а через несколько дней уже плыл на пароходе из Або по дороге в Берлин и Париж. Лето прошло в поездках по Европе для урегулирования разных партийных дел и предприятий, а к осени я очутился в Берлине, и надо было думать о выборе более или менее постоянного место-

жительства и пристраиваться к какому-то делу. Семья моя к этому времени состояла уже из пяти душ, надо было думать и о каком-то заработке.

Вести из России не оставляли никакого сомнения в победе реакции, и было очевидно, что для партии открывается долгий период подпольной работы. Часть товарищей, с Ильичем во главе, снова должна была перебраться за границу, чтобы оттуда осуществлять политическое руководство., другая же часть, не имея возможности легальной работы, принялась за нелегальную организаторскую, агитационную и пропагандистскую работу.

На этом пока и можно окончить эти заметки, отложив более подробное описание последующих лет до другого случая.

На долю нашего поколения выпало счастье быть не только участником в революционной борьбе, не только содействовать низвержению самодержавной царской власти, но и дожить до победы пролетариата в СССР.

Наша партия славилась всегда строгой идейной выдержанностью своей политической линии и непримиримости ко всякого рода уклонам. И это было конечно главным основанием ее успехов, молвою о которых сейчас полон мир.

ВОСПОМИНАНИЯ старого большевика

под редакцией
а. и. елизаровой и ф. нона

огиз—молодая гвардия

1. БОНЧ-БРУЕВИЧ В.
На славном посту. Стр. 40. Ц. 20 коп.
2. ЗАЛЕЖСКИЙ В.
Молодежь в подполье. Стр. 72. Ц. 30 коп.
3. КОН Ф.
На поселении в Янукской области. Стр. 128. Ц. 35 коп.
4. КОН Ф.
Увоз десяти смертников. Изд. 2-е. Стр. 48. Ц. 16 коп.
5. КРАСИН Л.
Доля давно минувших дней. Изд. 2-е Стр. 96. Ц. 35 коп.
6. ЛОШОВ Г.
В дни бури и натиска. (В октябре 17-го года.) Стр. 32. Ц. 15 коп.
7. МУЧНИК Г.
За власть Советов. Стр. 128. Ц. 45 коп.

Продажа во всех отделениях и магазинах КНИГОЦЕНТРА
Почтовые заказы направлять по адресу: Москва, 64. Книга—
почтой, Книги высылаются наложенным платежом без за-
датка

ВОСПОМИНАНИЯ старого большевика

под редакцией
а. и. елизаровой и ф. кона

огиз—молодая гвардия

1. НИКИФОРОВ П.
Муравьи революции.
Вып. 2-ой. Стр. 140. Ц. 55 коп.
2. НОГИН В.
В стране полярного холода.
Ц. 75 коп. Стр. 174.
3. САМОЙЛОВ Ф.
Первый совет рабочих депутатов.
Стр. 92. Ц. 40 коп.
4. САМОЙЛОВ Ф.
Большевики в IV государстven. думе.
Стр. 128. Ц. 40 коп.
5. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА А.
Воспоминания об Александре Ильиче
Ульянове.
Стр. 144. Ц. 30 коп.
6. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА А.
В. И. Ульянов (Н. Ленин)
3-е изд. Стр. 96. Ц. 20 коп.
7. ЭССЕН М.
В эпоху зарождения партии.
Стр. 64. Ц. 25 коп.
8. ЯРОСЛАВСКИЙ Е.
Странички воспоминаний. (1905 г.)
Стр. 32. Ц. 10 коп.